

Одиннадцать самых знаменитых рассказов Гилберта Кита Честертона об отце Брауне, который достиг удивительных успехов в расследовании преступлений.

Священник мастерски разгадывает тайны злоумышленников. Кажется, отец Браун способен проникнуть в сознание негодяев и убийц и понять, как и, главное, почему они действовали так, а не иначе. Сыщик в рясе и его друг француз Фламбо исследуют детали жуткой смерти старика. Отцу Брауну кажется, что убийца настойчиво навязывает им совсем другую историю, но почему?

...А я с первого взгляда понял, — сказал отец Браун, внимательно глядя вверх, что при его невысоком росте и близорукости было не так-то просто, — что он не был жив, когда его повесили. Если вы посмотрите на узел петли, то увидите: он завязан так неаккуратно, что завиток веревки отделяет его от шеи, следовательно, она не могла задушить человека. Он был мертв до того, как накинули на него петлю, и он был мертв до того, как его проткнули мечом. Как же он был убит на самом деле?

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-3164-1



9 786171 123164 1

НЕРАЗРЕШИМАЯ ЗАГАДКА



ГИЛБЕРТ К. ЧЕСТЕРТОН



ВЕЛИКИЕ СЫЩИКИ И ВЕЛИКИЕ МОШЕННИКИ

ГИЛБЕРТ КИТ ЧЕСТЕРТОН

НЕРАЗРЕШИМАЯ
ЗАГАДКА



ВЕЛИКИЕ СЫЩИКИ
И ВЕЛИКИЕ МОШЕННИКИ





ГИЛБЕРТ КИТ ЧЕСТЕРТОН



НЕРАЗРЕШИМАЯ ЗАГАДКА

СБОРНИК

ХАРЬКОВ  КЛУБ
2017  СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111.(73)
ББК 84(4Вел)
Ч-51



Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Перевод с английского *В. Михалюка*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Louise Rayner

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-2533-6 (серия)
ISBN 978-617-12-3164-1 (укр.)

- © Shutterstock.com \ Creative-HQ, Sibrikov Valery, Stocksnapper, LiliGraphie, обложка 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2017
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017

Шесть футов гения

Однажды матушка Гилберта Кита Честертона, встревоженная странностями в его поведении, отправилась посоветоваться с директором школы Святого Павла, где учился ее сын. И тот, выслушав ее пространные жалобы, ответил коротко: «Шесть футов гения. Лелейте его, миссис Честертон, лелейте».

Странностей действительно хватало: Гилберт вечно все терял, забывал адреса и имена, пропускал поезда и званые обеды, случалось, находясь вне дома, присылал жене телеграммы с вопросами: где он, что он там делает и куда должен отправиться. С детства он был невероятно неуклюж, все валялось у него из рук, и при его почти двухметровом росте и грузной комплекции это особенно бросалось в глаза.

Гилберт Кит Честертон (1874—1936) был живым воплощением парадоксов, которыми насыщена его проза. С одной стороны — пьяница, заядлый курильщик, неряха, обжора, спорщик с отвратительным характером, мистик и спирт в юности, обладатель множества талантов, которые, судя по всему, ему предстояло растратить впустую, лентяй, не желающий продолжать образование. С другой — один из крупнейших британских писателей конца XIX — первой трети XX веков, выдающийся христианский мыслитель и блестящий историк литературы, чьи книги

не утратили своего влияния на умы и сегодня, человек, которого папа римский назвал «защитником веры».

Перу Честертонна принадлежат двести рассказов, четыре тысячи эссе, несколько пьес, знаменитые романы «Человек, который был Четвергом», «Шар и Крест» и «Перелетный кабак», блестящие религиозно-философские трактаты и глубокие историко-литературные труды — всего восемьдесят томов. Звезда его творчества сияла неповторимым светом в созвездии титанов британской литературы начала XX века: Редьярда Киплинга, Бернарда Шоу, Герберта Уэллса, Бертрана Рассела, Артура Конан Дойла, Томаса Харди и Джона Голсуорси. Биографии писателя посвящены сотни исследований, она сама по себе похожа на роман, полный драматических событий, конфликтов и противоречий, и любой желающий сегодня может с ней познакомиться в деталях.

И все же невозможно отделаться от ощущения, что далеко не последнюю роль в том, что Честертон сумел осуществиться как писатель и мыслитель, сыграл один из его героев — отец Браун. Вернее, его прототип, с которым Честертон познакомился еще в 1904 году, когда гостил у друзей в деревне.

Он был католическим священником, и звали его Джоном О'Коннором. Плотный низкорослый человек с неприметной внешностью, слегка рассеянный и из-за этого порой попадающий в смешные ситуации — именно таким его и описал Честертон, не забыв наделить редкой остротой ума и поразительным умением вникать в мотивы человеческих поступков. Они разговорились — речь зашла о природе зла и его

тайнах, и Честертон был поражен удивительным сплавом чистоты и мудрости в характере нового знакомого, его пронизательностью и способностью поверять здравым смыслом расхожие мнения. А еще — его умением удивляться и при этом видеть мир ясно, словно впервые, в сочетании с глубоким знакомством с самыми темными и греховными безднами человеческой души.

Вот этот человек и стал для писателя учителем веры — благодаря отцу О'Коннору Честертон обратился в католичество — его духовником, близким другом на долгие годы и художественным открытием.

Такого героя, как отец Браун, литература, в особенности детективная, еще не знала. Никаких изощренных приемов, улик, следственных экспериментов, сыска и слежки, единственный инструмент дознавателя — умение поставить себя на место другого человека. И даже в отношении законченных мерзавцев герою-священнику это удается — очередной парадокс! — благодаря христианскому смирению. Еще одно глубокое отличие в том, что отец Браун далеко не всегда стремится покарать преступника. Для него важнее раскаяние, исповедь человека, заключившего сделку с силами зла, и последующее искупление.

В необъятном творческом наследии Честертон рассказы об отце Брауне занимают, на первый взгляд, не такое уж значительное место, однако по популярности с ними не может сравниться ни одна из его книг. В общей сложности рассказов больше пятидесяти, они составили пять сборников, которые были опубликованы между 1911 и 1935 годами. И буквально каждый из этих рассказов — маленький шедевр,

открывающий читателю нечто новое о человеке и его отношениях с собственным внутренним миром, иначе говоря — с душой.

Такие открытия дорогого стоят, потому-то весь цикл рассказов об отце Брауне по праву вошел в золотой фонд мировой литературы XX века.

А. Климов

Дуэль доктора Хирша

Месье Морис Брюн и месье Арман Арманьяк бодро, но не теряя важности пересекали залитые солнцем Елисейские Поля. Оба господина были невысокого роста, подвижные и лысые. И у обоих были черные, казавшиеся совершенно неуместными бородки, подстриженные на тот странный французский манер, согласно которому любая растительность на лице должна казаться накладной. У месье Брюна бородка имела форму клинышка и росла прямо из-под нижней губы. У месье Арманьяка, как будто нарочно, чтобы чем-то отличаться от спутника, было сразу две бородки, торчащие по углам внушительного подбородка. Оба мужчины были еще молоды. Оба были атеистами, непреклонными в своих взглядах, но весьма непостоянными в их выражении. Оба были студентами великого доктора Хирша, ученого, публициста и моралиста.

Месье Брюн снискал себе определенную известность своим предложением удалить из классической французской литературы обычное слово прощания «Adieu»¹, а за его употребление в разговорной речи взимать небольшой штраф. «Вот тогда, — говорил он, — человек наконец перестанет слышать по двадцать раз на дню имя этого воображаемого Бога». Месье Арманьяк, которому ближе

¹ Корень слова «Adieu» (до свидания) — «Dieu» (Бог).

был вопрос о противостоянии милитаризму, предлагал заменить в «Марсельезе» слова «Aux armes, citoyens»¹ на «Aux grève, citoyens»². Впрочем, его миролюбие было по натуре истинно французским. Когда один видный и очень богатый английский квакер³ приехал к нему, чтобы разработать подробный план разоружения всей планеты, он был немало озадачен предложением Арманьяка начать с того, что солдаты должны расстрелять своих офицеров.

И в этом заключались главные отличия этих молодых мужчин от их учителя и духовного наставника. Доктор Хирш, хоть и родился во Франции, где и снискал огромную славу на ниве образования, был человеком совсем иного склада — мягкий, непрактичный и добрый, вопреки своим скептическим взглядам, он не был лишен определенного трансцендентализма. Короче говоря, он был больше похож на немца, чем на француза, и, как бы ни уважали его эти двое галлов, где-то в глубине души они испытывали к нему что-то вроде презрения за то, что его призывы к миру носили такой неагрессивный характер. Однако для остальных его приверженцев, разбросанных по всей Европе, Поль Хирш был святым от науки. Его всеобъемлющие и смелые теории привлекали к нему все новых и новых последователей, которые находили пример для подражания в его аскетической жизни и не-

¹ «К оружию, граждане» (*фр.*).

² «На забастовки, граждане» (*фр.*).

³ Квакеры — протестантское религиозное течение, проповедующее благотворительность и пацифизм.

винной (хоть и несколько холодно-безразличной) нравственности. Это был своего рода Дарвин и Толстой в одном лице. Но он не был ни анархистом, ни космополитом. В отношении разоружения доктор Хирш придерживался довольно умеренных взглядов, которые были подвержены изменениям. Правительство республики именно ему доверило решение некоторых вопросов, связанных с химией. Не так давно он даже изобрел бесшумную взрывчатку, технологию изготовления которой власти держали в строжайшей тайне.

Жил он в небольшом доме на уютной улочке рядом с Елисейскими Полями. Здешние деревья этим жарким летом до того разрослись, что она стала почти неотличима от самого парка. Ряд каштанов закрывал солнце, и лишь в одном месте был заметен просвет — там на улицу выступало большое кафе. Почти прямо на него выходил окнами дом знаменитого ученого, с белыми занавесками в зеленую полоску и длинным, во весь второй этаж железным балконом, тоже выкрашенным зеленой краской. Арка под ним вела в небольшой утопающий в зелени дворик, куда и прошли двое оживленно беседующих французов.

Дверь им открыл Симон, старый слуга почтенного ученого, который внешне сам вполне мог сойти за солидного доктора, поскольку одет был в строгий черный костюм, носил очки, имел благородную седину и разговаривал низким спокойно-доверительным голосом. По правде говоря, он намного больше походил на выдающегося ученого мужа, чем его хозяин, доктор Хирш, маленький рыжеватый мужчина с головой такой огромной, что тело казалось

не более чем незначительным придатком. С важным видом именитого врача, вручающего пациенту рецепт, Симон протянул месье Арманьяку запечатанное письмо. Молодой человек со свойственной французам нетерпеливостью надорвал конверт и быстро прочитал следующее:

«Я не могу спуститься и поговорить с вами. В доме находится человек, с которым я не хочу встречаться. Это Дюбоск, офицер и шовинист. Сейчас он сидит на лестнице. В остальных комнатах он уже учинил настоящий погром. Я пока заперся у себя в кабинете, мои окна выходят на кафе. Если вы меня любите, ступайте туда, займите столик на улице и ждите. Попробую отослать его к вам. Мне бы хотелось, чтобы вы попробовали его как-то успокоить. Сам я не могу с ним встречаться. Не могу и ни за что не встречусь.

Ждите очередного дела Дрейфуса.

П. Хири».

Месье Арманьяк посмотрел на месье Брюна. Месье Брюн взял у него из рук письмо, прочитал и посмотрел на месье Арманьяка. После этого они вдвоем отправились в кафе, где заняли небольшой столик под каштанами и заказали две рюмки абсента, этого ужасного напитка, который они, похоже, могли потреблять в любом месте и в любое время. Кроме них в кафе почти никого не было. За одним столиком какой-то военный потягивал кофе, за другим крупный мужчина пил сироп, а рядом с ним сидел священник, который не пил ничего.

Морис Брюн прочистил горло и произнес:

— Мы, разумеется, должны помогать учителю во всем, но...

Тут он многозначительно замолчал, и заговорил Арманьяк:

— Может, у него и есть причины не желать встречи с этим человеком, но...

Прежде чем кто-либо из них смог закончить предложение, стало ясно, что захватчика все же удалось вытеснить из дома. Кусты перед аркой дрогнули и расступились, когда из них, как пушечное ядро, вылетел непрощеный гость.

Это был крепкий мужчина в небольшой фетровой тирольской шапочке, сидевшей набекрень. Он вообще сильно смахивал на тирольца — мощные, широкие плечи и худые, подвижные ноги в бриджах и вязаных чулках. На его загорелом, как у папуаса, лице беспокойно поблескивали очень яркие карие глаза; темные волосы, зачесанные на лоб спереди и коротко подстриженные на затылке, очерчивали мощный квадратный череп. Еще у него были огромные, как рога бизона, черные усы. Такие мощные головы, как правило, сидят на бычьих шеях, но у него шея по самые уши была обмотана широким пестрым шарфом, концы которого спереди скрывались под пиджаком и чем-то напоминали празднично-яркий жилет. В расцветке шарфа сочетались густые, холодные цвета: темно-красный, тускло-желтый и фиолетовый. Возможно, изготовили его на востоке. В этой фигуре нельзя было не почувствовать оттенок варварства, так мог выглядеть какой-нибудь венгерский помещик, а не офицер французской армии. Впрочем, его речь явно выдавала в нем француза, а французский

патриотизм его был горяч до нелепости. Едва пробравшись через кусты, он трубным гласом закричал на всю улицу: «Есть здесь французы?» — и прозвучало это так, словно он искал христиан в Мекке.

Арманьяк и Брюн сразу же встали, но было уже слишком поздно. Со всех сторон к нему ринулись люди, начала собираться небольшая толпа. Наделенный врожденным французским знанием уличных законов, черноусый перебежал через дорогу к кафе, запрыгнул на столик, чтобы не упасть, схватился за ветку каштана и закричал, как, должно быть, Камиль Демулен¹ когда-то кричал, разбрасывая дубовые листья над слушателями.

— Французы! — завопил он. — Я не умею красиво говорить! Но поэтому я и говорю, черт подери! Это людишки, которые сидят в грязном парламенте, умеют красиво говорить, однако они там учатся не только говорить, но и отмалчиваться... Молчать, как этот шпион, который заперся сейчас вон в том доме напротив! Молчать, как он молчал, когда я стучал в дверь его спальни! Молчать, как он и сейчас молчит, хотя ему там, через дорогу, прекрасно слышен мой голос. Но он затаился и дрожит, как трусливый заяц! Молчание их, политиков, может быть слишком красноречиво, но пришло время, когда мы, не имеющие права говорить, должны заговорить. Знайте, что вас предают! Предают в интересах пруссаков! Предают прямо сейчас, в эту самую секунду. И предает вас тот человек. Я — Жюль Дюбоск, полковник артиллерии из Бельфора.

¹ Камиль Демулен (1760—1794) — деятель Великой французской революции.

Вчера мы поймали немецкого лазутчика в Вогезах. У него мы нашли записку... Вот она, эта записка, у меня в руке. Дело попытались замять, но я пришел с этой запиской сюда, к тому человеку, который написал ее... К человеку, который прячется в этом доме! Написана записка его почерком, и на ней — его инициалы. Здесь говорится, где раздобыть секрет изготовления нового бесшумного пороха. Хирш изобрел его и сам же состряпал это письмецо. Записка на немецком языке, и нашли ее в кармане немца.

«Передайте кому надо, что формула пороха хранится в военном министерстве, на потайной полке первого слева от стола секретаря шкафа, в длинном сером конверте. Написана красными чернилами. Пусть будет осторожен. П. Х.».

Короткие предложения вылетали из него, как пули из пулемета, но по всему было видно, что глашатай либо безумен, либо прав. Почти все собравшиеся послушать были националистами, и по толпе уже прошел недобрый ропот. Меньшинство не менее рассерженных интеллектуалов во главе с Арманьяком и Брюном лишь еще сильнее разжигало воинственность большинства.

— Если это военная тайна, — выкрикнул Брюн, — зачем об этом на всю улицу орать?

— А я скажу зачем. — Голос Дюбоска перекрыл крики взревшей толпы. — Сначала я пришел к этому человеку культурно и вежливо. Если бы у него оказалось хоть какое-то объяснение, все бы осталось между нами. Но он отказался со мной разговаривать! Сказал, чтобы я, видите ли,

шел в закусочную напротив и разговаривал с какими-то двумя его прислужниками. Меня попросту выставили из дома, но сейчас я собираюсь вернуться, и на этот раз за спиной у меня будут стоять добрые парижане!

Казалось, от поднявшегося шума содрогнулись стены дома напротив. В его сторону полетели два камня, один из которых разбил стекло в высокой стеклянной двери на балконе. Взбешенный полковник снова нырнул в арку, и через миг его негодующие крики уже доносились из дома. Людское море на улице росло с каждой секундой, его волны накатывали на решетчатую ограду и лестницу дома изменника. Когда стало понятно, что этому бастиону уготована судьба Бастилии, разбитая стеклянная дверь отворилась и на балкон вышел доктор Хирш. На какой-то миг гневные крики сменились смехом, до того нелепой показалась фигура, возникшая в центре этого урагана. Длинной голой шей и покатыми плечами он напоминал бутылку шампанского, но во всем его облике это был единственный намек на что-то радостное. Пиджак висел на нем, как на вешалке, длинные морковного цвета волосы торчали в разные стороны, щеки и подбородок окаймляла гаденькая бородка из тех, которые начинаются далеко ото рта и идут по контуру лица. Он был очень бледен, и глаза его скрывались за синими очками.

Но, каким бы тщедушным он ни выглядел, говорил он с таким чувством, что уже к середине третьего предложения толпа затихла и начала внимать.

— ... которые я могу сказать сейчас. Первое будет обращено к моим врагам, а второе — к друзьям. Врагам своим я говорю: да, я не собираюсь встречаться с месье

Дюбоском, хотя он сейчас у меня за спиной и пытается высадить дверь в мою комнату. Да, я действительно попросил двух своих друзей утихомирить его, и я скажу почему. Потому что я не хочу и не обязан встречаться с этим господином... Потому что встретиться с ним означает переступить через чувство собственного достоинства. Прежде чем в официальном порядке суд снимет с меня все обвинения, я полагаю, что этот господин должен ответить мне по законам чести, если она у него есть, и, отсылая к нему своих секундантов, я ни на мгновенье...

Арманьяк и Брюн бешено замахали шляпами, даже противники доктора восторженным ревом встретили этот вызов, прозвучавший столь неожиданно. Следующие несколько предложений утонули в громогласных криках и аплодисментах, но потом его слова снова стали слышны.

— ...Теперь я обращаюсь к своим друзьям. Я всегда предпочитал силе оружия силу разума, и человечество наверняка со временем перейдет на решение любых споров именно таким способом. Но самое ценное, что у нас есть — истина, — является основополагающей силой как материи, так и наследственности. Книги мои пользуются успехом, теории мои еще никто не смог опровергнуть, но в политике я стал жертвой предрассудков, что во Франции страшнее любой критики. Я не умею говорить как Клемансо¹ или Дерулед², потому что каждое их слово звучит

¹ Жорж Клемансо (1841—1929) — политический деятель, премьер-министр Франции в 1906—1909, 1917—1920 гг.

² Поль Дерулед (1846—1914) — французский политический деятель крайне правого националистического направления.

эхом пистолетного выстрела. Для французов дуэль — такое же обычное дело, как для англичан занятие спортом или охотой. Что ж, я приведу свои доводы. Я исполню этот варварский обычай, после чего навсегда вернусь к разумной жизни.

Когда полковник Дюбоск, удовлетворенный услышанным, вышел из дому, долго искать секундантов ему не пришлось, поскольку навстречу ринулась целая толпа желающих выступить в этой роли. Первым оказался тот самый военный с кофе, который представился просто: «Герцог де Валон. К вашим услугам, сударь». Вторым был здоровяк, пивший в кафе сироп. Священник сначала попытался отговорить своего друга, но потом отошел в сторону.

Под вечер в кафе «Карл Великий» был накрыт легкий ужин. Хотя столики и стояли на улице и над головами посетителей не было ни стекла, ни позолоченного потолка, крышей здесь служили листья каштанов, шуршащие и покачивающиеся на легком ветру. Деревья так тесно обступали столики, что казалось, будто кафе расположено посреди прекрасного тенистого сада. За одним из столиков посередине в полном одиночестве сидел толстенький маленький священник. Он был занят тем, что с унылым видом, но отнюдь не без аппетита уплетал запеченных мальков сельди. Поскольку повседневная жизнь скромного служителя церкви была очень простой, он особенно высоко ценил неожиданные и редкие удовольствия. Святой отец был воздержанным эпикурейцем. Он ни разу не отвел глаз от тарелки, по краю которой были аккуратно разложены красный перец, лимоны, ржаной хлеб с маслом и так

далее, пока на столик не упала тень и на стул напротив не опустился его друг Фламбо. Фламбо был невесел.

— Боюсь, от этого дела придется отказаться, — мрачно произнес он. — Я всей душой за французских солдат, как Дюбоск, и всем сердцем против французских атеистов, как Хирш, но, по-моему, на этот раз вышла ошибка. Мы с герцогом решили проверить обвинение, и, должен сказать, я рад, что мы это сделали.

— Значит, та записка — подделка? — осведомился священник.

— В этом-то и странность, — ответил Фламбо. — Почерк точно Хирша, никто не нашел ни малейшего отличия, но Хирш не мог ее написать. Если он патриот Франции, то он не мог ее написать, потому что в ней содержатся важные для Германии сведения. А если он немецкий шпион, то он не мог ее написать, потому что... потому что для Германии она совершенно бесполезна.

— Вы хотите сказать, что сведения, которые в ней содержатся, неточны? — спросил отец Браун.

— Неточны, — ответил его собеседник. — И неточны именно в том, в чем доктор Хирш никак не мог ошибиться. А вернее, в указании места, где в его собственном кабинете хранятся его же личные бумаги. Испросив разрешение у Хирша и у властей, мы с герцогом осмотрели шкаф в военном министерстве, где хранятся формулы Хирша. Мы были единственными людьми, кто их видел, кроме самого изобретателя и военного министра. Министр разрешил нам это сделать только для того, чтобы уберечь Хирша от поединка. После этого мы не можем выступить на стороне Дюбоска, раз все его обвинения голословны.

— А они голословны? — спросил отец Браун.

— Еще как, — мрачно произнес Фламбо. — Это чистой воды подделка, причем неумелая. И состряпал ее тот, кто понятия не имеет, где на самом деле хранятся бумаги. В записке говорится, что они находятся в шкафу слева от стола секретаря, а в действительности шкаф с потайной полкой стоит чуть правее стола. Там говорится, что документ, написанный красными чернилами, находится в длинном сером конверте. Но текст написан вовсе не красными, а самыми обычными черными чернилами. Согласитесь, нелепо предполагать, что Хирш мог так ошибиться насчет документа, о котором кроме него вообще никто не знал, или думать, что помогает иностранному лазутчику, посылая его копаться в неправильном шкафу. Нет, я думаю, нам нужно бросать это дело и извиниться перед старым рыжиком.

Отец Браун, похоже, о чем-то задумался. Он поднял на вилке маленькую рыбешку.

— Вы уверены, что серый конверт был не в левом, а в правом шкафу? — уточнил он.

— Совершенно, — ответил Фламбо. — Серый конверт... Он, правда, был белым, но...

Отец Браун опустил вилку с серебристой рыбкой и уставился на друга.

— Что? — произнес он изменившимся голосом.

— А что? — переспросил Фламбо, уписывая за обе щеки.

— Так конверт был не серым... — задумчиво протянул священник. — Фламбо, вы меня пугаете.

— О дьявол, чем же я мог так вас испугать?

Содержание



Шесть футов гения	5
Дуэль доктора Хирша	9
Волшебная сказка отца Брауна	34
У черного хода	55
Ошибка машины	83
Рай для воров	108
Лиловый парик	136
Салат полковника Крэя	159
Сломанная шпага	181
Странное преступление Джона Бульнуа	210
Загадочное исчезновение	236
Неразрешимая загадка	259

Літературно-художнє видання
Серія «Великі сищики і великі шахраї»

ЧЕСТЕРТОН Гілберт Кіт
Нерозгадувана загадка
Збірка
(російською мовою)

Укладач *Євгенія Рібакова*

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Координатор проекту *К. В. Озерова*
Редактор *О. В. Приходченко*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. М. Журенко*

Підписано до друку 15.05.2017. Формат 70x100/32.
Друк офсетний. Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 11,61.
Наклад 13000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано у ПАТ «Білоцерківська книжкова фабрика»
09117, м. Біла Церква, вул. Леся Курбаса, 4
впроваджена система управління якістю
згідно з міжнародним стандартом DIN EN ISO 9001:2000

Литературно-художественное издание

Серия «Великие сыщики и великие мошенники»

ЧЕСТЕРТОН Гилберт Кит
Неразрешимая загадка
Сборник

Составитель *Евгения Рыбакова*

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Координатор проекта *Е. В. Озерова*
Редактор *Е. В. Приходченко*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. Н. Журенко*

Подписано в печать 15.05.2017. Формат 70х100/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Literatuma». Усл. печ. л. 11,61.
Тираж 13000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПАО «Белоцерковская книжная фабрика»
09117, г. Белая Церковь, ул. Леся Курбаса, 4
внедрена система управления качеством
согласно международному стандарту DIN EN ISO 9001:2000

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду



Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@bookclub.ua

До збірки увійшли твори Гілберта Кіта Честертон — видатного представника детективного жанру. Відомі оповідання із циклу про отця Брауна: «Помилка машини», «Дуель доктора Хірша», «Рай для злодіїв», «Бузкова перука», «Біля чорного ходу», «Чарівна казка отця Брауна», «Зламана шпага», «Салат полковника Крєя», «Нерозгадувана загадка», «Дивний злочин Джона Бульнуа», «Загадкове зникнення». Справжнє задоволення для поціновувачів класичного детективу!

Гилберт Кит Честертон

Ч-51 Неразрешимая загадка : сборник / Гилберт Кит Честертон ; пер. с англ. В. Михалюка; сост. Е. Рыбакова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 288 с. — (Серия «Великие сыщики и великие мошенники», ISBN 978-617-12-2533-6 (серия))

ISBN 978-617-12-3164-1 (укр.)

В сборник вошли произведения Гилберта Кита Честертон — выдающегося представителя детективного жанра. Знаменитые рассказы из цикла об отце Брауне: «Ошибка машины», «Дуэль доктора Хирша», «Рай для воров», «Лиловый парик», «У черного хода», «Волшебная сказка отца Брауна», «Сломанная шпага», «Салат полковника Крєя», «Неразрешимая загадка», «Странное преступление Джона Бульнуа», «Загадочное исчезновение». Истинное наслаждение для ценителей классического детектива!

УДК 821.111.(73)

ББК 84(4Вел)